

К РУССКОМУ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОМУ ЯЗЫКУ XVII В.

На материале частной переписки Безобразовых

П. Шонкой

Все исследователи истории русского языка, авторы статей, посвященных изучению процесса формирования и становления русского национального языка сходятся во мнении, что XVII век — чрезвычайно значительная эпоха в этом отношении¹. Именно в этот период начинают радикально развиваться и все шире распространяться те особенности, которые становятся характерными для русского литературного языка. Начиная со второй половины XVI в., при известных исторических, политических и экономических условиях оказывается всё более заметным то новое качество языка, которое рождалось, складывалось вследствие постоянных, хотя и незначительных, количественных изменений. Язык постепенно устраняет все свои ненужные элементы, но этим он не беднеет, а, напротив, непрерывно обогащается. Многие языковые категории, грамматические формы, унаследованные от предыдущих столетий передают своё место новым, более жизнеспособным. XVII в. — это этап развития русского национального языка, на котором отражаются как старые, пережиточные формы, так и новые (их больше старых), пробивающие себе путь к совершенствованию, улучшению. К исследуемому времени уже много новообразований, явлений и черт, отличающих язык от его состояния прежних эпох, хотя в некоторых областях сравнительно упорно держится и старина.

Дошедшие до нас различного рода письменные памятники в большинстве случаев дают сведения о книжном языке, о языке более-менее образованных людей. Материалы частной переписки известных русских семей XVII в. ценны как раз тем, что они делают возможным представить себе состояние просторечия, живой разговорной речи. В состав таких материалов входят и документы, грамотки, челобитные и сказки, отличающиеся меньшей обработанностью, которые писали или получали члены семьи Безобразовых. Писцами текстов сборника были родственники Безобразовых, приказчики, дьячки, старосты и др., в большинстве полуграмотные люди, жившие на обширных территориях России от Боровска до Алатыря и от Кром до Вологды². В языке документов наглядно показываются диалектизмы, и те общие черты, в силу которых настолько близки друг другу русские диалекты, особенно в самой важной области языка: в грамматическом строе. С точки зрения направления развития решающим является последнее обстоятельство.

¹ Ценные статьи в связи с этой темой содержатся во многих сборниках; так напр. „Вопросы образования восточнославянских национальных языков”. М., 1962; „Начальный этап формирования русского национального языка”. Л., 1961, и др.

² см. „Введение” к сборнику, стр. 4.

В области фонетики уже налицо явления, свойственные позднему литературному языку, как напр. *аканье*, переход *е* в *о*, изменение *и* в *ы* после твёрдых согласных, и др. Аканье имеет место не только в южновеликорусских говорах, но и в отдаленных губерниях, на территории Москвы и севернее: *ис своего убогова прудишка. . . корасеи* 11; *я убогаи* 12; *для таво* 13; *для моево къ себе прашенья* 18; *оборони меня от арлян* 23; *лошеди дароги* 67; *пожалуашь. . . попаматовать* 80; *Никон манах умре и нагребение ему будет* 115; и пр. Переход *е* в *о* представлен также многочисленными примерами: *золо я о томъ печален* 39; *от тех гсдрь их побои одва через двор перебряду* 54; *межсавал, межсавое дело* 43; *писцовою межсою*; *их земля отмежована* 43; *у нас на Вороноже* 97 наряду с *Воронеже* в том же письме; *пошли оне от Ыстратовскои жаны* 58; *чтоб он тех моих крстьян поставил во Ржове* 28; *плачетца сирата твои земскои дячок* 58; *пошол, пришол, пошодчи, приходчи*, и др. Что касается изменения *и* в *ы*, оно пользовалось широкой употребительностью в говорах, начиная с XIII-го в., причиной которого И. Д. Русинов считает иноязычное влияние³: *взят велено в Ыгумнова у Тмитрея скаски* 30; *об ыных своих делах* 33; *с Ываном Ильным* 39; *зы ыными* 125; *с ыными* 133; *приходил к ним в ызбу являт и в ызбе не был; сы Иваном, с обысковъ, сыскавали* 31, и др.; примеров подобного рода можно было бы привести немало. Характерное для многих говоров изменение сочетания *-чн-* в *-шн-* отражается в большом количестве случаев: *С Тотяною Илинишною* 13; *я нарошна велел* 43; *остатошные деньги* 71; *вешно вам работает* 81; написание *мошно, немощно, конешно* встречается несколько раз. Такие формы С. П. Обнорский приводит со многих мест⁴; данное явление он считает „органической чертой Московской области, с вероятием также Рязанского края”⁵. Возможную причину, вызывающую переход *чн* в *шн* в южновеликорусских говорах С. И. Котков видит в утрате затвора аффрикатой *ч*.⁶

Из мелких фонетических явлений обращают на себя внимание следующие: на разнообразную природу согласного *Г* указывают графические формы *етман-гетман-отоман*; *преятеля, мерел*; *прижние, видить* (инф.) *укривал, крилице; получить, очы* и др.

Некоторые замечания по морфологии языка сборника: неопределенная форма глагола не вызывает особенных замечаний. Суффиксом инфинитива выступает преимущественно *-т(ь)*; формы на *-ти, -чь* только в ничтожном количестве, причем *ти* может быть и безударное, а ударяемое *-ти* может и редуцироваться. Суффикс *-ти* в основном обнаруживается в зачинах и заключениях грамоток: *Я того слышати всегда желател* — во многих письмах; *мне б слышав о твоёмъ здорове радоватис* — также частое сочетание; в формуле „*подоитити блиско поклонитися ниско вручити честно*” чувствуется влияние книжного традиционного языка; в этом же тексте отмечается и обычный по звучанию инфинитив: *дерзнуть о том не смели* 60. Дальнейшие примеры: *я им велел ево к тебе отвезть* 13; *к Москве бресть мне мочи нетъ* 13; *бесчестья себе и вамъ не принестъ* 13; *дуб высекли и вывестъ велимъ вскоре* 14; *перевестъ в кромскую дрвню* 29, наряду с *принести* 64; *станут беречца* 77; *изволил ты. . . речь* 101. Небезынтересно принимать во внимание образования от глагола *ИТИ*: *хотели поитит в Глуховскои уезд* 20; *вовсе поитит никуда не мочно* 49;

³ И. Д. Русинов: К истории И > Ы в древнерусском языке после твердого предложного и префиксального согласного и в других сходных случаях. *Dissertationes Slavicae* t. III. стр. 3.

⁴ С. П. Обнорский: Избранные работы по русскому языку. М., 1960, стр. 238—243.

⁵ см. там же, стр. 245.

⁶ С. И. Котков: Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 139.

притит с чистым сердцем 48. Такие приставочные осложненные формы известны и современным южновеликорусским говорам⁷; их появление П. Я. Черных объясняет воздействием основы наст. вр., а исчезновение согласного Д — результатом межслоговой ассимиляции.⁸

Возвратная частица *ся* (графически передается в видах *-(т)ца*, *-(ти)ся*, *-(ти)с*, *-(ть)ся*, имеются даже случаи *надеятьца*, *плачеца*) присоединяется непосредственно к соответствующему глаголу (норма произношения совсем очевидна). Форма *СЯ* обнаруживается и после конечного гласного глагола.

Личные окончания наст. вр. глаголов не нуждаются в объяснении; во 2 л. всегда *-ш(ь)*, представляют собой исключения всего два случая на *-ши*: *безсмертенъ мнишися* и *страшнаго грознаго суда не боишися* 10.

В 3-ем л. ед. и мн. ч. имеются графически оформленные примеры на *-т* и *-ть*. Точному определению твердости или мягкости окончаний *-т* мешает тот факт, что знак *Ь* в конце слова почти всегда пропускается на письме; в инфинитиве он пишется лишь иногда, а в 3 л. — никогда. Любопытно, что в 3 л. после *-т* сравнительно часто ставится знак *Ь*: *молвить*, *кладуть*, *крадутъ*, *несуть*, и др. *Форм без -т не отмечено*. Употребительны параллельные образования *будет* и *буде*, но форма *буде* обнаружена исключительно со значением союза. Остатками старого атематического спряжения являются *весть*, *дасть*, *дамь*, *дашь*.

Будущее время находит себе выражение несколькими* способами: а) формами наст. вр. от глаголов совершенного вида (в которых значение совершенности неоспоримо): *не положить во гроб с нами ничево* 10; *тебе поднесут людишки мои ростис* 20; *стану перед спасовым образом* 10; б) сочетанием спрягаемых форм наст. вр. глагола *Стать* + инфинитив главного глагола: *мы станем за него приминатца* 15; *а будет Яков станет на нас бит челом* 43; в) сочетанием типа *я тот час к Москве буду*; г) конструкцией *быть* + инф.: *я буду с лица на лицо говорит* 39; наконец, сочетанием наст. вр. глагола *быть* + им. п. существительного: *я твоеи млсти зимою буду платещик* 53.

Старая система прошедших времен в XVII в. уже полностью исчезает, для выражения действий в прошедшем времени употребляется одно лишь средство — бывшее Л-овое причастие. Остатки старины отмечены в sporadических примерах: *о сем писах* 46; *Никон манах умре* 115; *выручили есми* 141. В фрагменте одного из писем находится странное с точки зрения восточнославянских языков сочетание *свелъ боль: дворовои твои человекъ... збежал о светои недели и свелъ боль (с) собою крестьянина Захарку* 124. Принадлежности его к конструкциям *было* + глагол в прош. вр. противоречит факт, что в данном примере действие завершилось (о чем свидетельствует продолжение предложения: *и тот Захарка пришлоъ на оборотъ две недели гулявъ*), тогда как сочетание *было* + глагол в форме прош. вр. всегда обозначает начавшееся, но не завершившееся действие:⁹ *я была тебе... те пищали поделал и против твоеи грамотки те пищали мерю не сошлис* 97; *мы холопи твои выехали было жат и Кривцовы... сами выехали с людми* 121; здесь показана и причина, препятствующая завершению намеренного действия. Такую же особенность имеем в предложении *племянники мои хотели били (так!) ехат... а нне для злои дороги роздумали* 77.

⁷ там же, стр. 207.

⁸ П. Я. Черных: Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 270.

⁹ см. об этом: Грамматика русского языка. Изд. АН СССР т. II/1, стр. 394.

Заслуживают внимания бесприставочные глаголы многократного вида с суффиксами *-ыва-, -ива-, -ева-, -ва-, -а-*: *записи не даывал* 22, 25; *онь попь Ивань не служивал* 30; *попь у нас Трифан не молитвивал* 30; *нашвали землю* 45; *говаревал* 46, 48, *говаривал* 42; *дела не кладывал* 75; *к допросу руки прикладывает никому не веливал* 23; *стоявали з дровами* 47, и др. Хронологический порядок этих образований мог быть таков: *служить—отслуживать—отслужить—служивать*,¹⁰ т. е. тип *служивать* — появилось позднее, путем отпадения приставки. Приставочные глаголы многократного вида представлены в рассматриваемых документах многочисленными примерами: *и одново не приезживал в мнстрь и перед собою панахиды не отпевывал* 10; *в село не перехажевал* 30; *в Оръзамазя сыскавали* 31; *я к тебе... приказавал словом* 39; *нигде не объявлялся* 56; *еще не присыловали* 125, и др. В одном и том же тексте, рядом существуют разные степени образования: *я ему бивал челом чтобы он побил челом околничему и Василеи бил челом околничему* 42. Интересны и случаи *Прошюя* 48; *я шлюс на отца* 79, *в лес в наш бы их не пущат* 43, *я начяюс того* 60, *ворочелся с Ертановки* 77, и т. п. Все эти данные свидетельствуют о движении в области глагольного вида, о том, что в XVII столетии категория вида еще не была стабилизирована. В эту эпоху она переживает процесс эволюции и становится характерной чертой русского глагола в современном понимании слова только в XVIII в.¹¹ Не случайно, что все исследователи говорят о вышеупомянутом явлении всегда в связи с судьбой категории вида. Также нельзя считать случайным факт, что с начала XIX в. все более быстрыми темпами утрачивается многообразие видовых выражений. Показания материалов дают основания предполагать, что развитие кат. вида завершилось не раньше конца XVIII в. В образованиях типа *кладывал* господствует выражение нечто давно и длительно бывшего. Эта сторона их значения настолько сильно, что она может приводить исследователей даже до отрицания причислить их к видовым образованиям.¹²

Глаголы характеризуются и многозначностью и многообразием их управления. Показательны в этом отношении глаголы напр. *СТАТЬ* и *ЧИНИТЬ*: *стану перед спасовым образом* 10; *потриарха Никона не стало на дороги* 12; *я за тобою ходит стану* 26; *те нонеча на правезе стоят* 34; *мне гсдрь стоит десяти Шестаковых твое жалованя приятство* 42; *река стала во многих местех* 46; *за воров стоять*, и др.

Имена существительные также претерпевают процесс упрощения, выравнивания древних основ, особенно в множ. числе. Исконные падежные формы сохраняются преимущественно в ед. ч., где отмечено разнообразие, смешение старых флексий с новыми, совместное существование бывших окончаний и новообразований.

В склонении всех родов наблюдаются следующие „исключения“: 1. В им. п. *-а* основы необычна форма *внука*: *о здорве внуки своец* 62; 2. слово *братя* имеет при себе согласованное определение то в ед., то во множ. числе: *моя братя* и *мои братя*; 3. в род. п. *-а* основ имеем формы на *-е*, появившиеся

¹⁰ см. В. И. Борковский—П. С. Кузнецов: Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 291.

¹¹ М. А. Соколова: О некоторых морфологических и синтаксических данных русского языка начального периода формирования русской нации. Сб. Начальный этап... стр. 40.

¹² так, напр. Е. Н. Прокопович: Об употреблении прошедших времен глагола в русской письменности второй половины XVII века. Сб. Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, стр. 267.

под влиянием мягких основ: *а впрѣд его ж владыке воля* 88; *не одной твоєї половине* 42; 4. в дат. и пр. пп. имен с основой на *-а, -ја* отражается взаимодействие мягкой и твердой развидности, при наличии старинных форм: *я по воли гсдни. . . жив* 61; *по нашей земли — на той земли* 45; *учали ево по деревни искат* 111; *гсдрю или Аврамевицу* 69; *къ Ильги пророку* 104; *къ Юри* 140; *тебе и невестьки Агафы* 41; *Петромъ завуть Жемьчюжников по выписки* 12; *по писцоваи книги* 32; *к масленицы* 31; *о той мелницы* 79; *в дрвнишки своєї* 11; 5. По свидетельству данных конструкция типа *отдат сия грамотка* была широко распространена и жива во многих говорах: *про нево мошно баня вытопит* 124; *взят бы братец гсдрва грамата* 126; *губная б изба сломат* 51; *чтоб на нево купчая взят* 11;¹⁴ 6. у имен других основ также отмечено колебание в употреблении падежных окончаний. Слово *здорове—здравие* в пр. падеже имеет дублетные формы *о здорове—о здравиц; склали на поли* 121 наряду с примером *на поле и на гумне крадутъ* 10; при обычной форме на *-е* в пр. п. встречается и в *серцы*; сущ. *день* склоняется то по *-ю* основам, то по *-о* основам: *после У (с)пенева дни* 102; *дождався об Николине дни* 111; *к Семеню дни* 42; *ни единого дни* 66; *ннешнего дня с тобою не вижус* 21; в датах обычно употреблена последняя форма. В род. -пр. п. существительных *-о, -јѣ* основы чередуются флексии *-е* и *-у*; формой на *-у* в род. п. выражается различное значение: *до отказу* 10; *против твоего даговору* 11; *сроку дават* 34; *лесу повозит* 54; *проходу нет* 58; *от великог ветру* 71; *от того пожару* 90; *часть винограду астраханског да кадочку медку* 90; В пр. п. окончание *-у* получают только имена нарицательные и названия населенных пунктов: *в Бежецком Верху* 21; *в домишку* 33; *в обыску* 46; *на берегу* 74; примеров подобного рода очень много.

Обращают на себя внимание падежные формы в ед. ч. существительного *КНЯЗЬ* тем, что в некоторых случаях, в роли определения слово остается неизменным: *чтоб мне здесе шурина ево княз Михаила Ивановича Взямскова ссудить* 14; *принесли тое роспис князь Василю Василевичю Голицыну* 20; *столника кнз Юрья Михаилевича крестьянин Филка бежел* 30; *я о том говорил многигиды боярину кнз юрья Петровичю* 30; *боярина кнез Якова Никитича* 140, и др. Это явление напоминает похожую конструкцию некоторых словацких диалектов с существительным *ráp*, которое во всех косвенных падежах приобретает вид *rápa*; сюда же можно причислить и слова *báci* и *báfa*.¹⁵ „В Материалах” И. И. Срезневского нет ни одного аналогичного примера,¹⁶ что может говорить о сравнительно позднем появлении данной формы.

Во мн. ч. имен сущ. меньше пестроты в склонении. Отмечены лишь единичные случаи употребления старых окончаний в первую очередь Им., Род. и Вин. падежей. В им. п. у имен *-о, -ја* основы встречаются формы: *мы холопе твои* 121 наряду с *холопи*; *иная селы скозали* 31 при форме на *многоя неисчетная лета* 114; *они шура мои* 135 (крайне редки формы на *-а* у сущ. м. р.); *братяродная женишке мои* 135; может быть, таким типом является сомнительный случай *тетерева: ни малог выходу наперед сего не было и нне знат нетъ такъ ж и тетерева и рябцы знатно в самых глухих лесахъ жителство имеют* 94.

¹³ Н. А. Расторгуев: *Говоры на территории Смоленщины*. М., 1960, стр. 104.

¹⁴ Более подробно об этом см. И. Б. Кузьмина—Е. В. Немченко: *К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах*. Сб. Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, стр. 151—176.

¹⁵ О словацких соответствиях см. P. Ondrus: *Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republiky*. Bratislava, 1956, стр. 86.

¹⁶ И. И. Срезневский: *Материалы для словаря древнерусского языка*. т. I, ст. 1401.

В род. п. имеем „неправильные” формы: *из диких поль нигде не дано* 134; *от тех их побои* 58; *грех ради наших* 60; *пят рублевь денег* — очень часто; *тритцат восемь сажень* 44; *послали лесъ двести сорок деревь* 54; *а кресты. . . стали тритцат пят алтын* 47; *мало десяти пуд* 127; смешение флексий род. и пр. падежей представлено случаями *ты писал о покупке лошадей*¹⁷ 65; *при прежних помещиков* 42; *об моем деле о крестьян* 76; *приехав ис гостех пьян* 140; такое же колебание обнаружено и в ед. ч., где в значении предложного падежа стоит окончание вин. п.: *об лошадку добрую и о пицал як ти* (так!) *сам прирекъ слово* 77.

В конце XVI в. процесс выравнивания форм дат. -род. -мест. падежей лишь намечается, случаев отражения воздействия -а основ на остальные типы склонения очень мало; а в XVII столетии уже вряд ли не господствуют формы на -ам, -ами, -ах. С полной уверенностью можно это утверждать главным образом в связи с твор. падежом. В дат. и местном падежах в известной мере мешают правильно судить результаты фонетических изменений (аканье, яканье, и др.), которые находят себе выражение в фонетическом типе правописания малограмотных, простых людей. Любопытны написания *чаши величают* 58; *никоими дела* 52; *сущ. люди, дети* в твор. п. мн. ч. встречаются исключительно в виде *людми, детми*. У некоторых существительных наблюдаются двойкие формы в рассматриваемых падежах: *а кто имяны* 20—*имянами нши* 64; в одном и том же письме имеется *на озерах и во всех озерах* 118; *в радостех и радостях, детям моим и детем*, и т. д.

Что касается категории одушевленности, она еще не обладает той стройностью, которая свойственна языку позднейшего периода. В значительном числе обнаружены случаи колебания в употреблении окончаний существительных, обозначающих одушевленные предметы. В ед. ч. мало примеров для совпадения вин. п. с им. падежом: *с нимъ послал конь бурь* 112; *взяли. . . у людишак моихъ четыре лошади виноходець чюбар кон воронь кон гнедь конь сер* 129. Во мн. ч. гораздо больше случаев совпадения указанных падежей: *целом бью за присланную рыбу и за птицы* 90; *послал я к тебе два выжлеца а на борзые не покручинис* 101; *а про лебеди писал* 98; *за те рыбы плочено три рубли три алтыны две денги* 97, и др. Им. сущ. со значением лица в вин. п. мн. ч. имеют форму, совпадающую с формой род. п. Исключения составляют немногие слова: *ншим крестьяном за дети у них дочери имат* 119; и в определенных конструкциях: *пожаловал великии гсдрь. . . в бояря князя Петра Семеновича Прозоровского в думные дворяня Леонтья Романовича Неплюева* 113; *имя твое написано на пример в черкасские города в воеводы* 117; *члвкъ дворовой выпущенево крестьяня* 70; *яз был поставлен х той цркви в попы* 103. В той же функции стои сочетание в *провожатых гсдрь послал Климку Акулова* 121.

Имена прилагательные в им. п. ед. ч. м. р. имеют ударяемое и безударное окончание -и, -еи, -ьи, -ои: *многомилостивьи* 9 и *млствои* — очень часто; *меншои* 11; *вечнои* 12 и *вешнои* 26; *млсрдаи* 13; *великии гсдрь* 12 и *великою постъ* 31; *околничей князь* 88 и *в нынешней ден* 35; в им.-вин. п. ср. р. вместо мягкой основы обнаруживаем *многолетное здорове* 54, *въ нынешнее время* 52. Флексия -ово род. п. м. и ср. р. в местоименном склонении известно было многим говорам: *для убогова моево к себе прошения* 27; *ково-никово-для чево* 51;

¹⁷ Это явление свойственно воронежским говорам; см. В. А. Скогорев—В. И. Собинникова: Памятники письменности XVII—XVIII вв. в Воронежском областном архиве. Сб. Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, стр. 249.

таких примеров в документах очень много.¹⁸ Форма род. п. ж. р. представлена в виде на *-ои, -ое, -ья, -ие: вскормленики твоеи блгия пространньа трапезы* 63, 66; *суди меня аржанои муки* 53; *насытятся от вашея блгданные трапезы* 114. Вин. п. ж. р. у прилагательных может выступать в двойном виде: *землю лутчюю* 10 и *приедет в съезжаю избу* 34.¹⁹ Вместо окончания *-ым* твор. ед. и дат. мн. ч. встречаем *-ом: с поваренным малам* 44 и *будет они не похотляи добром зделатца* 40. В им. п. мн. ч. в некоторых случаях имеем исконные флексии *-и: чтоб лошеди были сыти* 125; *слышати по всякъ час жадни* 73. В предикативной роли качественные им. прил. стоят обычно в нечленной форме: *он сердит на меня* 13, и др.; в функции определения весьма редко обнаружены они в нечленной форме: *послал конь буръ* 112; в перечислении *кон воронъ, кон гнедъ, конь сер* 129; в описании беглого крестьянина можно читать: *ростомъ невеликъ кренастъ волосом голова из темна руса в лице островат глаза серы* 36. Гораздо чаще употреблены краткие формы относительных и притяжательных имен прил.: *холопя суда* 11; *гсдрву указу учинилис силны* 23; *о Микулинове деле* 40; *про братныя здоровья, владчню волю* 45; *на отцове месте* 103, и др. В им. п. мн. ч. бросаются в глаза образования на *-ы: Григоревы крстьяне, Кузмины дети* 133; *служки и жены и конюховы и поваровы* 138; *грамоты гсдревы* 100. Им. прил. наблюдаем как в препозитивном, так и в постпозитивном положении к определяемому слову.

Личные и возвратное местоимения имеются в обычных с точки зрения современного языка формах; случаи употребления форм с гласным *-о(тобе, собе)* крайне редки. В вин. и дат. п. местоимения 2-го л. иногда встречаются энклитические формы *тя, ти*.

Неличные местоимения в материалах: *он, она, оно, они-оне; тотъ, та, то, те; сеи, ся-сия, се, сии; кои; которой; никоторои; какои, никакои, некакои; всякъ-всякоу; вес; сам; таковой; инъ; кто-хто; никто; что*. В вин. п. ед. ч. ж. р. у местоимений известны параллельные формы *ту и тое, сю и сее: в ту пору и въ тое пору* 56; *сее грамотку мою* 60; *на порожжею примерную лишнего землю* 133. После предлога в начале слова иногда отсутствует согласный *-н: после ево* 136; *промеж ими* 29; *для их* 33, и др. Многочисленны случаи употребления сочетания типа *онъ попь, они крстьяне*.

Среди наречий обращают на себя внимание *инолды, вселды*²⁰; *летось, вчорась*.²¹ На неразрывную связь наречий с местоимениями указывают сочетания *по ка места — по та места, по се местъ, кои час — тот час*.

Многим говорам известны предложные сочетания *къ Москве, с Москвы, на Москве*. Предлог *для* имеет и причинное значение: *для злои дороги роздумали* 77; обнаруживаются и конструкции с двумя предлогами, для выражения цели действия: *прислат в Боровескъ для роди луку и чесноку* 54; предлогом *против* выражено значение „согласно”. Интересен пример *мимо Белев ехал* 48;

¹⁸ Богатая литература по вопросу представлена в статье А. И. Толкачева: Об изменении *-ого ово* в родительном падеже единственного числа мужского женского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка. Сб. Материалы и исследования... стр. 235—268.

¹⁹ О характере окончания см. Т. С. Оловеникова: Рукописные материалы XVII—XIX веков в Орловском областном архиве. Сб. Исследования источников... стр. 240.

²⁰ Наречие приведено и И. И. Срезневским: Материалы... т. I. стр. 1104.

²¹ Об употреблении наречий типа *летось* см. И. А. Попов: Сложные наречия в говорах русского языка. Сб. лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966. стр. 82.

сочетание можно объяснить сохранением исконного значения наречия *мимо*, которое позже других предлогов превратилось в предлог.²²

Пересмотр данных документов дает основание утверждать, что на протяжении XVII века происходят изменения, отличающие русский язык от языка прежних эпох, и, хотя в языке данного периода содержатся многие элементы, рожденные предыдущими веками, об образовании национального русского языка несмыслимо говорить раньше второй половины XVI—начала XVII века.

²² См. Дина Сергеевна Станишева: Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966, стр. 90; З. Д. Попова: Рукописи XVII—XVIII веков в Курском областном архиве. Сб. Исследования источников... стр. 229.